

§ 2. Пробиваясь сквозь преграды: научная геральдика в 1960-е – 1980-е гг.

Познавательный и прагматический интерес к геральдике возобновился в 1960-е гг., после фактического перерыва и был связан с политическими изменениями в СССР, с политикой «оттепели», которая способствовала переосмыслению многих аспектов исторического знания, актуализации проблемы точности информации и приоритету источников при изучении прошлого. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. заметно увеличилось количество и разнообразие источниковедческих исследований. Владение методами анализа источников стало восприниматься как синоним профессионализма. Ренессанс источниковедения, расширение тематического пространства, теоретико-методологические дискуссии повлекли за собой возрастание роли специальных исторических дисциплин, положение которых в советской науке стало предметом нескольких публикаций. В них констатировалось недостаточное внимание к этому разделу знания, доказывалась мысль о необходимости и важности его информации, ценность которой понималась преимущественно прагматически, как методический инструмент для достижения более полного и объективного знания о прошлом. Однако две дисциплины – генеалогия и геральдика – оказывались фактически выведены за рамки этой необходимости.

Некоторые историки трактовали геральдику как «бесполезную и ненужную» дисциплину⁹⁴⁸, но такую точку зрения поддержали не все⁹⁴⁹. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. был признан факт отставания гербоведения, проявлявшийся двояко: в неизученности самих гербов и неразработанности теоретических принципов дисциплины. Основной причиной этого называлось доминирование представлений о геральдике как «дворянской науке, обслуживающей интересы исчезнувшего класса»⁹⁵⁰.

На всем протяжении 1960-х – 1980-х гг. геральдические исследования не были интенсивными и всеобъемлющими. Наоборот, еще более усилилась диспропорция в изучении различных разде-

⁹⁴⁸ Введенский А.А. Указ. соч. – С. 31.

⁹⁴⁹ Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников... – С. 31–33.

⁹⁵⁰ Соболева Н.А. Проблемы изучения гербов дореволюционной России. – С. 273. В более общих формулировках повторение мысли см.: Она же. О тенденциях разви-

лов. Преобладали два направления: советская геральдика и территориальные гербы. Оба они представлялись идеологически наиболее приемлемыми; первое – как часть истории советского периода, второе – в силу «нейтральности», поскольку прямо не ассоциировалась ни с дворянством, ни с монархической властью. Кроме того, изучение региональной геральдики приобретало некое прагматическое значение в связи с созданием новых городских эмблем. Тематическая селективность закрепляла и даже консервировала отношение к гербу как к явлению идеологического и политического порядка. Единое исследовательское пространство оказалось разделено по принципу приемлемости для советской науки на более или менее разрешенные сюжеты. Естественно, что одновременно разрушалась общность предмета изучения.

Методологическое развитие гербоведения в 1960-е – 1980-е годы продолжалось по направлениям, намеченным ранее. Фундаментом осталась источниковедческая концепция, определявшая тематику и содержание большинства работ. Официальной познавательной основой гербоведения были марксистско-ленинская идеология, исторический материализм и классовый подход. Однако в подавляющем большинстве трудов, носивших сугубо прагматический или конкретный характер, эти методологические установки либо не проявлялись, либо носили трансцендентный, искусственный характер, сводились к цитированию классиков марксизма-ленинизма и повторению идеологических штампов. В середине 1980-х гг. эти процессы стали еще более заметны.

Несмотря на все трудности, в 1960-е – 1980-е гг. гербоведение продолжало развиваться не только экстенсивно, но было дополнено отдельными теоретическими положениями. Экстенсивность выразилась через введение в научный оборот письменных источников о советской геральдике, о территориальном герботворчестве XVIII–XIX вв. (из фондов Сената, Герольдмейстерской конторы, Департамента Герольдии) и об истории гербоведения (из личных фондов геральдистов и учебных заведений). Благодаря этому представ-

тия специальных исторических дисциплин. Историографический обзор за 1964–1978 гг. // Источниковедение отечественной истории, 1979. – М., 1980. – С. 233.

ления о событийной стороне отечественной геральдики оказались значительно дополнены.

Рост объема информации способствовал формулировке, начиная с конца 1970-х гг., новых теоретическо-методических идей. Понятие «исторический источник» было распространено на гербы, возникшие в советский период. В трудах Г.В. Вилинбахова и П.К. Корнакова⁹⁵¹ получил развитие тезис Ю.В. Арсеньева об использовании знамен в качестве источника геральдического анализа. Подчеркивалось, что между знаменами и гербами существовала тесная информационная связь, изучение которой дает возможность расширить и углубить проблематику исследований, полнее раскрыть генезис эмблем, проследить бытование гербов в социуме и их роль в политической жизни эпох. Эти положения получили подтверждение в конкретных работах на примере небольших хронологических периодов – конец XVII – начало XVIII в. у Г.В. Вилинбахова и 1917 г. у П.К. Корнакова.

В конце 1970-х гг. предпринималась попытка модификации важнейшего компонента источниковедческой концепции – методики гербовой экспертизы. В основе лежала идея В.К. Лукомского об эмблематическом справочнике, опирающемся на структуралистский подход к гербу как совокупности элементов. Познавательная она оставалась инвариантной, а разница состояла только в техническом совершенствовании – поиск заданного изображения производился при помощи компьютера, который выявлял совпадения дескрипторов (ключевых слов) в описаниях гербов⁹⁵². Эксперимент получил подтверждение на примере родовой геральдики. Положи-

⁹⁵¹ Вилинбахов Г.В. Государственная геральдика России конца XVII – первой четверти XVIII века (К вопросу формирования идеологии абсолютизма в России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982; *Он же*. Русские знамена XVII века с изображением единорога // СГЭ. – Вып. 47. – Л., 1982. – С. 22–24; *Он же*. Знамена как исторический источник и их место в системе геральдических памятников // Геральдика. – Л., 1983. – С. 96–108; Корнаков П.К. Опыт привлечения вексиллологических памятников для решения геральдических проблем // Новые нумизматические исследования: нумизматический сборник. – Ч. 9. – М., 1986. – С. 134–144.

⁹⁵² Борисов И.В. Решение задачи автоматизированного поиска и анализа русских родовых гербов // Архивоведение, археография. – 1980. – № 2. – С. 1–8; *Он же*. Гербовые изображения в России XVIII – начала XX в. на документальных и вещественных памятниках. Проблемы идентификации и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.

тельные результаты подтвердили возможность использования компьютерной техники, но реально общедоступной системы для поиска и идентификации гербов так и не создали.

Стагнационные процессы в советском гербоведении проявились в ситуации с учебной литературой, которая четко отражала состояние научных исследований. В 1963 и 1974 гг. вышли в свет два издания учебника Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова «Русская сфрагистика и геральдика»⁹⁵³. В нем между дисциплинами существовала показательная диспропорция. Разделы о печатях занимали доминирующее положение и были написаны впервые, с привлечением новой литературы и архивных источников. Главы о геральдике повторяли учебное пособие Н.В. Устюгова 1940 г.⁹⁵⁴, дополнения были минимальны и касались преимущественно советских гербов. История русского геральдического знания и формальные правила излагались бегло, с фактическими неточностями. Сохранилась рукопись постраничных замечаний Н.В. Устюгова по фрагментам текста, над которыми работала Е.И. Каменцева⁹⁵⁵. Оценки давались очень резкие. Например, раздел о гербах и печатях Российской империи характеризовался так: «В целом эта [шестая – О.Н.] глава – мура. Автор явно не справился со своим материалом – получилась ни сфрагистика, ни геральдика. Кроме того, эта глава слаба по содержанию, она не выдерживает никакой критики с методической точки зрения. Автор все время оперирует понятиями, известными ему, но неизвестными его читателям»⁹⁵⁶. Н.В. Устюгов исправил существенную ошибку, допущенную в параграфе о геральдике союзных республик, где оказались спутаны казахский и киргизский гербы.

Учебник вызвал заметную научную реакцию. Критика началась еще на стадии внутреннего рецензирования в издательстве. В письме от 30 октября 1959 г. Е.И. Каменцева сообщала Н.В. Устюгову о получении некоего «второго отзыва» с положительным выводом о возможности использовать текст в качестве пособия для высших учебных заведений. «Приятная новость» ее очень обрадовала, поскольку имелась другая рецензия, по всей видимости, не столь

⁹⁵³ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч.

⁹⁵⁴ Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4.

⁹⁵⁵ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 215. – Л. 1–1 об.

⁹⁵⁶ Там же.

благожелательная. «Тон их [замечаний. О.Н.] значительно отличается от тона первого отзыва. Все они конкретны, сделаны по страницам. Все их можно быстро учесть»⁹⁵⁷, – отмечала Е.И. Каменцева. Наиболее принципиальными из них она считала указания на неудачную классификацию источников и на необходимость периодизации, определяемой самими источниками, а не представлениями об общеисторическом процессе.

В опубликованных рецензиях⁹⁵⁸ отмечалась необходимость подобного пособия, но одновременно указывалось на серьезные теоретические просчеты, методическую несостоятельность, пропуски целых разделов и проблем (отмечалось, например, замалчивание всех существовавших версий о происхождении двуглавого орла). Много замечаний вызвала глава о советской геральдике, содержание которой сводилось к пересказу законодательных актов. Наиболее точный и объективный анализ пособия содержался в рецензии Н.А. Соболевой⁹⁵⁹ на второе, уже исправленное по замечаниям предыдущих авторов, издание. Из многочисленных недостатков особенно важным было то, что не раскрывалась методика работы с печатями и гербами, которая для студентов имела бы наибольшую ценность.

Несмотря на критику, учебник Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова получил широкое распространение, поскольку долгое время оставался единственным доступным изданием подобного рода. В 1980-х гг. было опубликовано его краткое изложение⁹⁶⁰. Он стал основой для раздела «Геральдика» в пособии по специальным историческим дисциплинам⁹⁶¹, которое унаследовало все недостатки, усугубив их не всегда компетентным изложением. Таким образом, литература, вышедшая в свет в 1960-х – 1980-х гг., не выходила за рамки квазиучебной, оставаясь на уровне историографии 1930-х – 1940-х гг.

⁹⁵⁷ Там же. – Оп. 4. – Д. 110. – Л. 190.

⁹⁵⁸ Прошин Г.Г. [Рецензия] // Вестник высшей школы. – 1965. – № 4. – С. 94–95; Троицкий С.М. [Рецензия] // История СССР. – 1965. – № 1. – С. 176–178; Ураносов А.А. [Рецензия] // ВИ. – 1964. – № 4. – С. 152–154.

⁹⁵⁹ Соболева Н.А. Учебное пособие о гербах и печатях // СА. – 1975. – № 2. – С. 100–102.

⁹⁶⁰ Каменцева Е.И. Русская сфрагистика и геральдика: учебное пособие. – М., 1983.

⁹⁶¹ Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины: учебное пособие. – М., 1984. – С. 116–121.

В ней не нашли отражение ни исследования западных историков (на что, в частности, указывала Н.А. Соболева), ни новые советские работы. Теоретическо-методические подходы и конкретное содержание не могли обеспечить формирование у студентов профессиональных навыков. Собственно говоря, такая задача даже не ставилась. Обучение геральдике сводилось к ознакомлению с минимальным количеством случайно избранной информации, приобретая исключительно формальный характер. Частично компенсировала квазиучебное изложение сравнительно полная библиография, приложенная к первому изданию, но, несмотря на единодушное одобрение ее рецензентами, в дальнейших публикациях она была сокращена, поскольку логически не вписывалась в избранную модель обучения. К началу 1990-х гг. полноценное учебное пособие по геральдике в СССР отсутствовало.

Потребность в новой учебной литературе получила частичное удовлетворение в 1990 г. с выходом в свет учебника по специальным историческим дисциплинам, в котором имелась глава по геральдике⁹⁶². Она возрождала традиции Ю.В. Арсеньева, излагала европейский геральдический опыт и основывалась на западной историографии. Давались альтернативные толкования многим принципиальным проблемам, в частности, о причинах и времени появления гербов. Широко распространенная опознавательная теория отвергалась, а генезис геральдики объяснялся совокупностью социальных, ментальных, правовых, культурологических обстоятельств, способствовавших закреплению феномена. Одновременно уточнялись временные рамки процесса – середина XII в. вместо традиционного конца XI в., который предлагалось считать «скрытым периодом развития геральдики»⁹⁶³. При описании формальных основ использовался прием Ю.В. Арсеньева – давать каждому понятию эквивалент на иностранном языке. В методологическом отношении очерк опирался на синтез культурологического и источниковедческого подходов.

В литературе о советской геральдике в 1960-х – 1980-х гг. выделялись два направления: одно научное, ставившее преимущественно источниковедческие задачи; второе пропагандистское, в

⁹⁶² Введение в специальные исторические дисциплины. – С. 40–80.

⁹⁶³ Там же. – С. 43.

котором факты занимали второстепенное положение, а преобладало стремление раскрыть политическое и идеологическое значение символики. Общей чертой обоих направлений было то, что поводом для публикации работ часто служили юбилеи – Октябрьской революции или образования СССР.

Систематическое изучение советской геральдики началось на рубеже 1950-х – 1960-х гг. Практически сразу обозначились две основные проблемы: выяснение авторства гербов СССР и РСФСР, а также реконструкция процесса их создания и утверждения. Обе принадлежали к классическим источниковедческим сюжетам и относились к внешней критике. Несмотря на разработанность этой методики, уровень конкретных исследований не всегда оказывался высоким. Первые работы опирались на крайне ограниченный круг архивных материалов, преимущественно на такой субъективный источник, как воспоминания (В.Д. Бонч-Бруевича, художника И.И. Дубасова), отношение к которым было излишне доверительным. Все это в совокупности с отсутствием даже элементарного сравнительного анализа приводило не только к фактологическим ошибкам, но и к противоречиям в изложении. Жесткой критике подверг исследования по советской геральдике В.В. Похлебкин, отмечавший непрофессионализм авторов, отсутствие осмысления фактов и недостаточность источниковедческой основы⁹⁶⁴.

Обобщенная систематизация источников по советской геральдике была предложена В.А. Поцелуевым⁹⁶⁵ только в 1977 г. Она носила комплексный характер, включала письменные (законодательные акты, периодическая печать, мемуары), вещественные (печати, денежные знаки, бланки документов, почетные грамоты) и изобразительные (рисунки, фотографии, плакаты) памятники.

На протяжении 1960-х – 1980-х гг. велась дискуссия об авторстве государственных гербов РСФСР и СССР. Источники представляли противоречивые сведения об этом, поскольку к созданию символов на разных этапах привлекалось довольно много лиц, и выяснить конкретный вклад каждого было отнюдь не про-

⁹⁶⁴ Похлебкин В.В. Из истории советской эмблематики // ВИ. – 1978. – № 3.

⁹⁶⁵ Поцелуев В.А. Государственные гербы советских республик как источник по истории национально-государственного строительства СССР (1917–1924 гг.) // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. – Т. 85. – Вып. 7. – М., 1977. – С. 115–116.

сто. В отношении герба РСФСР назывались две основные кандидатуры – художники С.В. Чехонин и А.Н. Лео. Окончательно авторство герба осталось неустановленным. Особое внимание уделялось роли В.И. Ленина в становление советской символики⁹⁶⁶. В отношении герба СССР ситуация сложилась еще более запутанная. Один из первых исследователей проблемы А.Н. Луппол считал автором рисунка чертежника В.П. Корзуна⁹⁶⁷, на основании эскиза которого герб доработал художник-миниатюрист И.И. Дубасов. В начале 1970-х гг. сотрудники Государственного исторического музея А.Д. Власов и С.Н. Болотина оспорили авторство В.П. Корзуна⁹⁶⁸, назвав вместо него имя известного топографа и картографа В.Н. Адрианова⁹⁶⁹. Как выяснилось, В.П. Корзун и И.И. Дубасов выполняли только чертежные работы и не были авторами идеи. Несмотря на неоспоримые доводы, первоначальная версия продолжала использоваться и даже вошла в обобщающую работу В.А. Поцелуева⁹⁷⁰. Тем не менее, дискуссию об авторстве государственного герба СССР следует признать завершённой. Его создал В.Н. Адрианов.

Гораздо меньшее количество работ касалось гербов союзных республик. Детальному, основанному на архивных источниках изучению подверглись только гербы Украинской ССР и Таджикской ССР⁹⁷¹. Общую оценку источниковедческого значения символики союзных республик дал В.А. Поцелуев⁹⁷², трактовавший ее как источник по истории национально-государственного строительства

⁹⁶⁶ Кисилев Г.Ф., Любишева В.А. В.И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. – 1966. – № 5. – С. 21–26.

⁹⁶⁷ Луппол А.Н. Из истории советского государственного герба // Ежегодник Государственного исторического музея, 1958 г. – М., 1960. – С. 42–51.

⁹⁶⁸ Власов А.Д. К вопросу о создании герба СССР // Музейное дело в СССР: Массовая идейно-воспитательная работа музеев на современном этапе. – М., 1979. – С. 111–124; Болотина С.Н. Как создавался наш герб // НИЖ. – 1983. – № 11. – С. 20–24.

⁹⁶⁹ Салеев С. Художник, картограф, изобретатель // НИЖ. – 1983. – № 11. – С. 24.

⁹⁷⁰ Поцелуев В.А. История развития советских гербов (1917–1977 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977; Он же. Гербы Союза ССР: Из истории разработки. – М., 1987.

⁹⁷¹ Зайцев Б.П. Эмблематика Советской Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1969; Николаева М.В. Государственные эмблемы Советского Таджикистана: К истории создания государственных герба, флага и гимна Таджикской ССР. – Душанбе, 1969.

⁹⁷² Поцелуев В.А. Государственные гербы советских республик...

СССР, помогающий проследить процессы становления и конституционного оформления национальной государственности, экономического и культурного развития. Опираясь на этот тезис, он предложил периодизацию генезиса советской геральдики, который происходил с 1917 по 1924 гг. В.А. Поцелуев выделил в нем два этапа: 1917–1922 гг., когда создавались первые гербы союзных республик, и 1922–1924 гг., когда разрабатывался союзный герб⁹⁷³. Единая периодизация демонстрировала, что советская геральдика понималась как двухуровневая, интегрированная эмблематически и семантически система, один из компонентов которой составлял герб СССР, а другой – гербы союзных республик.

Изучение советской символики сопровождалось осмыслением входивших в нее элементов: красной пятиконечной звезды и эмблемы «серп и молот»⁹⁷⁴. Проблемы, разрешавшиеся по отношению к ним, также носили традиционный источниковедческий характер – генезис, авторство, процедура официального признания. Неотъемлемым компонентом подобных работ была идеологическая оценка семантики, которая, как правило, не выходила за рамки быстро сформировавшихся стереотипов. Серп и молот интерпретировались как символ союза рабочего класса и крестьянства, создавших первое в мире социалистическое государство. Красная пятиконечная звезда трактовалась более многообразно. Основанием для использования звезды в советской символике называлась революционная поэзия второй половины XIX в., в которой она многократно упоминалась. Указывалось, что звезда – обобщенный символ вечности, счастья и справедливости, приобретающий в контексте советской геральдики значение эмблемы мощи государства, нерушимости границ и демонстрирующий «веру народа в построение коммунизма»⁹⁷⁵. Постепенно количество трактовок увеличивалось. Авторы утверждали, что звезда – символ советской власти, символ «единства, братства и солидар-

⁹⁷³ Там же. – С. 118.

⁹⁷⁴ Сахаров А.Н., Троицкий С.М. Живые голоса истории. – М., 1971. – С. 251; Похлебкин В.В. Красная пятиконечная звезда // ВИ. – 1967. – № 11. – С. 212–214; Он же. Эмблемы, рожденные и возрожденные Октябрем // НИЖ. – 1977. – № 11. – С. 91–96; 1978. – № 2. – С. 130; Поцелуев В.А. Родная красная звезда // Дорогами отцов. – Вып. 5. – М., 1975. – С. 56–68; Черников Н.Д. Наша красная звезда. – М., 1971; Дичаров З. Серп и молот // Аврора. – 1987. – № 11. – С. 72–76.

⁹⁷⁵ Кисилев Г.Ф., Сперансов Н.Н. Эмблемы мира и труда. – М., 1968. – С. 42.

ности рабочих и всех трудящихся Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии». В 1970-е гг. получила распространение идея о вечности советского герба⁹⁷⁶. Однако все перечисленные интерпретации не имели какого-либо исторического обоснования, были надуманны и служили пропагандистским целям.

Стремление придать советской геральдике злободневное политическое значение составляло содержание второго историографического направления. В отличие от первого, более научного, к которому принадлежали работы профессиональных историков, во втором авторами выступали журналисты, легко переносившие пропагандистские штампы на геральдическую тематику. Фактов в таких публикациях было мало⁹⁷⁷. Обычно все ограничивалось пересказом самых общих сведений из предыдущих публикаций, гипертрофированно подчеркивалась роль В.И. Ленина в создании советских гербов. Настойчиво акцентировалась идея о коренном отличии герба СССР от русских и современных «буржуазных». Из этого часто делался вывод о допустимости несоблюдения правил формальной геральдики, что выдавалось за одну из особенностей изображения, хотя на самом деле лишало его статуса полноценного герба, превращая в символ более низкого ранга – эмблему. Герб СССР представлялся завоеванием революции, «привилегией» государства рабочих и крестьян, символическим воплощением социа-

⁹⁷⁶ Степаненко В. Герб Советского Союза // Воспитание школьников. – 1978. – № 1. – С. 17.

⁹⁷⁷ Государственный герб СССР: консультация // Коммунист Вооруженных Сил. – 1961. – № 21. – С. 83–84; Кисилев Г.Ф. Герб страны Советов // Смена. – 1966. – № 7. – 2 л. обл.–С. 1; Он же. Из истории создания советского герба // Художник. – 1966. – № 11. – С. 26–28; Вальдман Э. Красный цвет моих республик // НИР. – 1967. – № 4. – С. 17–21; Рауцетт В. Когда созданы государственный флаг, герб и гимн СССР // Вопросы и ответы. – 1970. – № 3. – С. 10–14; Символ народовластия: историческая справка о государственном гербе СССР // Коммунист Вооруженных Сил. – 1972. – № 12. – С. 85–87; Меч не наша эмблема: как создавался советский герб // Советский Союз. – 1972. – № 8. – С. 8–9; Шистер Е. Государственный герб и флаг СССР // Агитатор. – 1977. – № 21. – С. 62–63; Захарова Т. Герб страны Советов // Политическая агитация. – 1977. – № 19; Обухов В.В. Символы новой эры (герб, гимн и флаг СССР). – М., 1983; Васильев Ю. Герб и флаг Отчизны // Политическое самообразование. – 1983. – № 3. – С. 108–111; Инина О. Герб страны Советов // Агитатор. – 1984. – № 10. – С. 28–29; Яковлев Е.В. Наш герб // Символы страны Советов: герб, флаг, гимн СССР. – М., 1984. – С. 5–22; Гнидаш В.С. Герб. Флаг. Гимн СССР. – Л., 1985; Золин П.М. Государственный герб СССР // Военно-исторический журнал. – 1987. – № 10. – С. 71–75.

лизм, «стоял на страже Родины», показывал международный престиж государства.

Часто герб лишался самостоятельного значения и воспринимался только в контексте с иной государственной символикой, рассматриваясь вместе с флагом и гимном.

Наряду с политической оценкой всячески подчеркивались воспитательные аспекты символики, геральдику предлагалось использовать в педагогических целях. Появились соответствующие детские издания, учебно-методическая литература для учителей и пионерских работников, статьи в популярных журналах⁹⁷⁸. Особенно это характерно для 1980-х гг., когда советская геральдика все в большей степени стала восприниматься как резерв идеологической работы. Конкретной причиной такого интереса была отмеченная в «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» (1984 г.) необходимость «полнее использовать в воспитательной работе символы Советского государства»⁹⁷⁹. Во исполнение указания подготовили два сборника⁹⁸⁰, в которых предпринималась попытка осмыслить возможности советской символики (в том числе геральдики) для учебного процесса на уроках истории, географии, литературы, для работы школьных пионерских и комсомольских организаций. Не оценивая профессиональные педагогические аспекты изданий, следует констатировать, что с геральдической точки зрения они представляли собой смесь невежества с редкостным пустословием. Авторы не имели ни малейшего представления о геральдике, об истории тех же советских гербов и компенсировали недостаток информации общими фразами

⁹⁷⁸ Ляшенко М.Ю. Рассказы о советском гербе. – М., 1963; [Похлебкин В.В.] Эмблемы Советского государства // Детская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 9. – М., 1969. – С. 182–185; Дмитриев Ю. Флаг и герб. – М., 1970; Символы Родины // Пионер. – 1977. – № 9. – С. 6–7; Драчук В.С. Символы нового мира // ЮХ. – 1979. – № 11. – С. 5–7; Леванов Б.В., Спирина Э. Гордые символы нашей державы // Вожатый. – 1979. – № 10. – С. 15–17; Символы государственного суверенитета СССР: материалы и методические рекомендации в помощь учителю. – Белгород, 1984; Герб и флаг СССР // ЮХ. – 1985. – № 10. – С. 5; Черников Н.Д. Наша красная звезда. – М., 1987.

⁹⁷⁹ Правда. – 1984. – 14 апр.

⁹⁸⁰ Воспитание школьников на государственной символике СССР. – Смоленск, 1985; Использование государственных символов СССР в воспитательной работе: из опыта работы. – М., 1987.

о пользе знания символики для школьников. К этому необходимо добавить абсурдность и надуманность проблематики многих статей. Идея о привлечении геральдики в школьном образовании сама по себе правильна и расширяет сферу практического использования дисциплины, но реализация ее в условиях нараставшего кризиса коммунистической идеологии оказалась неудачной и обреченной на провал.

Схожие черты проявлялись в других публикациях 1980-х гг. Надуманность семантических толкований обусловила мифологизацию истории и семантики советской геральдики. Объективный научный анализ подменялся субъективными оценками, строившимися не на фактах, а на идеологических и политических штампах.

Гипертрофированный акцент на семантику был свойственен также для работ о гербах союзных республик. При селективности их изучения, подобный подход оказался единственно возможным для популярных публикаций⁹⁸¹. Сформировалась даже некая модель изложения. Отталкиваясь от схожести иконографии и общности эмблем, авторы выдвигали идею о нерушимости СССР, наличии общих целей (построение коммунизма и др.), а выражение права наций на самоопределение видели в использовании эмблем, демонстрировавших хозяйственную и природную специфику (в гербе Азербайджанской ССР – нефтяная вышка, в гербе Белорусской ССР – лен и т. д.). Как правило, такие разъяснения оказывались наивными и прямолинейными. В целом, геральдика союзных республик расценивалась как торжество национальной политики СССР.

В рамках пропагандистского направления продолжалось издание гербовников советских гербов, традиционно именовавшихся альбомами⁹⁸². До 1987 г. они регулярно появлялись к юбилейным датам и по-прежнему ориентировались на законодательные акты.

⁹⁸¹ Похлебкин В.В. Гербы союзных республик. Азербайджанская ССР // ЮХ. – 1982. – № 9. – С. 2; Он же. Гербы союзных республик. Армянская ССР // Там же. – 1983. – № 4. – С. 13; Он же. Гербы союзных республик. Белоруссия. Латвия // Там же. – 1982. – № 1. – С. 8; Он же. Гербы союзных республик. Грузинская ССР // Там же. – № 8. – С. 2–3 и др.

⁹⁸² Государственные гербы и флаги СССР, союзных и автономных республик. – М., 1972; Государственные символы Родины. – Таллин, 1979; Государственные гербы и флаги СССР, союзных и автономных республик. – М., 1982.

Рисунки и заимствованные из конституций описания дополнились предисловиями. В них пересказывались правовые акты, касавшиеся символики, и в духе официальной пропаганды разъяснялась семантика.

В конце 1970-х – середине 1980-х гг. появились официальные издания о символике союзных республик: Молдавии, Армении, Казахстана⁹⁸³. Кроме иллюстраций они содержали тексты законодательных актов. Не являясь научными работами, объективно подобные публикации способствовали расширению источниковой базы советской геральдики.

Во второй половине 1980-х гг. была защищена кандидатская диссертация В.А. Поцелуева, посвященная советской геральдике⁹⁸⁴. Она обобщила накопленную информацию и фактически завершила развитие данного направления историографии. В.А. Поцелуев привлек новые архивные источники, однако преодолеть сложившуюся в 1960-е – 1980-е гг. идеологическую стереотипность подходов и оценок не смог. Написанная на основе диссертации монография⁹⁸⁵ оказалась еще более неудачной. Лишенная историографического и источниковедческого обзоров, справочного аппарата, перегруженная советскими идеологическими штампами, она заняла промежуточное положение между научным и пропагандистским направлениями. Неопределенность статуса сближала ее с изданной в том же 1987 г. монографией А.В. Иванченко⁹⁸⁶, которая, более тяготея к журналистским толкованиям, опиралась на научные изыскания. Кроме теоретико-методологической общности между двумя монографиями много содержательных совпадений. Разрозненные факты и оценки оказались синтезированы в общую схему развития советской геральдики, которая представлялась как единый, непрерывный на протяжении 70 лет процесс, отражавший разнообразные аспекты истории советского общества.

⁹⁸³ Герб, флаг, гимн Молдавской Советской Социалистической Республики. – Кишинев, 1982; Государственные символы Казахской ССР. – Алма-Ата, 1986; Государственный герб, флаг, гимн Армянской Советской Социалистической Республики. – Ереван, 1986.

⁹⁸⁴ Поцелуев В.А. История развития советских гербов...

⁹⁸⁵ Поцелуев В.А. Гербы Союза ССР...

⁹⁸⁶ Иванченко А.В. Союз серпа и молота: Государственные символы РСФСР. – М., 1987.

Монографии В.А. Поцелуева и В.А. Иванченко появились в период, когда началось крушение коммунистической идеологии, наметились кардинальные социально-политические изменения. Написанные с устаревших методологических позиций, лишённые объективного анализа геральдического процесса, они соответствовали уходящей историографической эпохе и не привлекли научного или общественного интереса.

Это были не единственные публикации подобного рода. Написанные в рамках марксистско-ленинской пропаганды работы издавались и позже; особенно характерны они для изданий, связанных с военно-политической проблематикой⁹⁸⁷.

Одновременно формировались альтернативные подходы к решению спорных проблем советской геральдики. Г.Н. Колоярский⁹⁸⁸, например, предложил считать автором эмблемы «серп и молот» своего отца, саратовского жителя, «мастера художественной чеканки» Н.А. Колоярского, что, однако, противоречило известным источникам. В работах, печатавшихся в союзных республиках, нарастало критическое отношение к советским символам. Доминирующим тезисом стало утверждение об их искусственности, о необходимости возвращения к национальным, исторически обусловленным традициям. В Кишиневе был даже издан специальный сборник⁹⁸⁹, посвящённый перспективам развития государственной символики в Молдавской ССР. Он отстаивал необходимость новых гимна и герба «в соответствии с историческими традициями и требованиями молдавского народа»⁹⁹⁰. Советский герб 1951 г. оценивался как не отвечающий ни прошлому, ни настоящему, как навязанный И.В. Сталиным и Л.И. Брежневым⁹⁹¹. Один из авторов предлагал сохранить его, дополнив традиционными для молдавской культуры эмблемами (голова зубра и виноградные листья), но та-

⁹⁸⁷ Кацер М. Герб и флаг БССР // Политический собеседник. – 1989. – № 5. – С. 43–45; Земсков М. Наш советский герб // Символы Родины и воинской доблести. – М., 1990. – С. 7–17.

⁹⁸⁸ Колоярский Г.Н. Откуда родом «серп и молот» // Волга. – 1990. – № 9. – С. 189–190; Он же. Кто создал первую государственную эмблему «серп и молот» // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. – Вып. 2. – Саратов, 1992. – С. 41–55.

⁹⁸⁹ Символ достоинства. – Кишинев, 1990.

⁹⁹⁰ Там же. – С. 35.

⁹⁹¹ Там же. – С. 68.

кое мнение не было воспринято. Критические по отношению к советской символике публикации появились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. практически во всех республиках, в основном в прессе.

Наряду с советскими гербами основным направлением геральдических изысканий в 1960-е – 1980-е гг. стало изучение территориальных гербов. Сначала, в 1960-е гг., эти исследования носили двоякий характер, сочетая публицистические и прагматические устремления. В них доказывалось, что территориальные гербы, существовавшие до 1917 г., имели древние истоки, тесно связаны с народной культурой, образом жизни и историческими событиями, отражают природные особенности, животный мир и экономику. Из таких простых, не всегда полностью объективных⁹⁹² и часто насыщенных фактическими неточностями рассуждений делался вывод о возможности восстановления территориальной геральдики в СССР. Одновременно в соответствии с обычаями советской пропаганды подчеркивался воспитательный эффект от подобного нововведения. При этом речь шла не о восстановлении старых символов, а о создании новых гербов, которые должны были вобрать дореволюционный опыт и отразить «социалистические свершения». Геральдика прямо связывалась с патриотизмом.

Начавшееся территориальное герботворчество отразилось в популярных публикациях. Наиболее обстоятельной, аналитической была статья Н. Шепетильникова, посвященная итогам неудачного конкурса на новый герб Москвы⁹⁹³. Основным недостатком представленных проектов называлось невежество авторов в области геральдики, а также их предпочтения либо старому гербу (всаднику), либо советским символам, хотя требовалось создать «уравновешенную композицию, где славное историческое прошлое художественно сочеталось бы с выразительным символом настоящего»⁹⁹⁴. На практике задача оказалась неразрешимой, и герб Москвы создан не был. Отсутствие знаний по формальной геральдике стало общей проблемой, поэтому во многих статьях, призывавших к восстановлению института территориальной геральдики, излагались заим-

⁹⁹² Замалчивалось, например, о существовании гербов с изображениями святых и двуглавого орла.

⁹⁹³ Шепетильников Н. Герб Москвы // Строительство и архитектура Москвы. – 1967. – № 2. – С. 8–9.

⁹⁹⁴ Там же. – С. 9.

ствованные из дореволюционных работ краткие сведения, которые должны были помочь составителям. Проекты новых городских гербов также публиковались в периодической печати.

Большую роль в пропаганде территориальной геральдики сыграл журнал «Наука и жизнь», который с конца 1960-х гг. регулярно обращался к ней⁹⁹⁵. В течение более 30 лет он публиковал подборки старых гербов, объединенных по принадлежности к одной губернии. Описания заимствовались из справочника П.П. фон Винклера⁹⁹⁶ и сопровождалась небольшими очерками со сведениями об истории региональной геральдики.

В 1960-е гг., отчасти в силу расширенного толкования понятия «герб», отчасти из-за недостаточного понимания юридической сути явления, в статьях высказывалось предложение об изменении границ геральдического пространства. Предлагалось составлять гербы не только территориальные, но и корпоративные – для школ, кружков, станций юных техников и т. п.⁹⁹⁷. Редакции журналов проводили конкурсы на подобные проекты. Были намечены сферы использования новых символов: на значках, сувенирах, транспорте, зданиях, спортивных формах, книгах, газетах, бытовых предметах⁹⁹⁸. Поскольку в СССР в течение 50 лет существовали только государственные гербы, специально оговаривались их взаимоотношения с территориальными символами. Категорически отрицалась мысль о каком-либо соперничестве. Предназначение городского символа виделось в том, чтобы «дополнять, оттенять государственный герб множеством кон-

⁹⁹⁵ Гербы городов Московской губернии // НИЖ. – 1974. – № 2. – С. 97; Гербы городов Нижегородской губернии // Там же. – № 10. – С. 96; Гербы городов Смоленской губернии // Там же. – 1975. – № 10. – С. 97; Гербы городов Костромской губернии // Там же. – № 12. – С. 96; Гербы городов Казанской губернии // Там же. – 1976. – № 11. – С. 96; Гербы городов Псковской губернии // Там же. – 1978. – № 4. – С. 82; Гербы городов Тобольской и Томской губерний // Там же. – № 6. – С. 113; Гербы городов Вятской губернии // Там же. – № 8. – С. 65; Гербы городов Ярославской губернии // Там же. – № 10. – С. 69; Гербы городов Владимирской губернии // Там же. – № 12. – С. 119; Гербы городов Калужской губернии // Там же. – 1979. – № 10. – С. 65; Гербы городов Рязанской губернии // Там же. – 1980. – № 1. – С. 97; Гербы городов Тверской губернии // Там же. – № 3. – С. 93 и др.

⁹⁹⁶ Винклер П.П. фон. Гербы городов...

⁹⁹⁷ Гербы городов // Юный техник. – 1968. – № 12. – С. 41.

⁹⁹⁸ Домников А., Шеремеев С. Труд, вкопанный в славу города // ТМ. – 1966. – № 1. – С. 37.

кретных и неповторимых малых символов»⁹⁹⁹. Высказывалась идея об эмблематическом выделении советских гербов. Н.Н. Сперансов предлагал, чтобы все они имели общий иконографический элемент, например, серп и молот¹⁰⁰⁰. Разрабатывались и уточнялись организационные формы герботворчества. Однако из многочисленных предложений 1960-х гг. лишь ничтожная часть оказалась реализована. Власть не одобрила и не поддержала территориальное герботворчество, которое осталось стихийным. Наличие герба у того или иного города зависело от стечения субъективных обстоятельств, местной инициативы, энтузиазма. В начале 1970-х гг., видимо не без государственного влияния, обсуждение необходимости городских гербов в популярной печати прекратилось.

Его компенсировало возрождение научных изысканий в области территориальной геральдики. На общем любительском фоне особо выделялись статьи учившейся у В.К. Лукомского Н.Ф. Демидовой, для которых был характерен высокий профессионализм, тематическая новизна и следование досоветским методикам анализа. Они опирались на многочисленные архивные источники и неизвестный ранее сфрагистический материал. Уже в первой работе, посвященной городским печатям XVIII в., Н.Ф. Демидова обнародовала важные сведения о роли Ф. Санти в становлении территориального герботворчества и об истории нескольких конкретных гербов¹⁰⁰¹. В последующих статьях¹⁰⁰² сообщались данные о геральдическом творчестве И.К. Кириллова и В.Н. Татищева. Изучение генезиса и бытования символов Уфы, Исетской провинции и др. не только основывалось на разрешении традиционного комплекса вопросов внешней критики (датировка первого изображения и матриц печатей, установление обстоятельств создания), но и показывало глубо-

⁹⁹⁹ Карпович М. Свидетельства доброй славы // Советы депутатов трудящихся. – 1967. – № 8. – С. 95.

¹⁰⁰⁰ Сперансов Н.Н. Гербы городов // Турист. – 1966. – № 10. – С. 11.

¹⁰⁰¹ Демидова Н.Ф. Русские городские печати XVIII в. // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 518–529.

¹⁰⁰² Демидова Н.Ф. Старинный герб города Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971. – С. 214–220; Она же. Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов XVII–XVIII вв. // Южноуральский археографический сборник. – Вып. 1. – Уфа, 1973. – С. 112–121; Она же. Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии // Вспомогательные исторические дисциплины. – Сб. 1. – Свердловск, 1974. – С. 32–40.

кий источниковедческий смысл, который может иметь анализ даже одного конкретного герба. Так, сравнивая проекты и утвержденный вариант герба Исетской провинции, Н.Ф. Демидова выяснила, как символически отразилась политическая нестабильность в регионе, выразившаяся в антибашкирских настроениях автора – В.Н. Татищева. Принципиальное методическое значение имела впервые высказанная идея о связи территориального герботворчества с реформами местного самоуправления. Именно с работ Н.Ф. Демидовой началось снова изучение территориальной геральдики.

Большинство других работ рубежа 1960-х – 1970-х гг. не поднималось до такого познавательного уровня. Тем не менее, они также имели определенное значение, привлекая внимание краеведов к забытым сюжетам местной истории. В большинстве случаев такие статьи представляли собой не более чем пересказ досоветских работ¹⁰⁰³. Архивные источники публиковались редко, можно отметить только текст ответов на анкету Герольдмейстерской конторы, полученные в 1720-е гг. из Пензенской, Тамбовской и Шацкой провинций¹⁰⁰⁴.

На обобщение опыта территориальной геральдики России и новое его осмысление претендовала книга Н.Н. Сперансова¹⁰⁰⁵. Она представляла собой справочник, в котором каждому гербу давалось толкование. В условиях чрезвычайного дефицита геральдической литературы это издание невольно стимулировало развитие интереса к гербам, но ее теоретический и информационный уровень оказался чрезвычайно низким. Методическое несовершенство сопро-

¹⁰⁰³ Васильчик В., Домников А. Русские гербы // Молодая гвардия. – 1965. – № 9. – С. 166–167; Чижов В., Шкурко А.И. Рассказывают гербы // НИЖ. – 1965. – № 12. – С. 95–96; Чубенко В. Гербы рассказывают // Волга. – 1966. – № 7. – С. 191; Балабанов В.Ф. Геральдика Забайкалья // Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита, 1967. – С. 61–67; Шварцман Н. Геральдика наших городов // Урал. – 1968. – № 1. – С. 186–187; Минкин А.Е. Гербы смоленских городов // Материалы по изучению Смоленской области. – Вып. 7. – М., 1970. – С. 375–381; Инякин А. Гербы городов // Сельская новь. – 1970. – № 1. – С. 47–4 с. обл.; Рудаков Л. Гербы городов // Собеседник: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки. – Воронеж, 1971. – С. 200–202; Гаркуша В.И. Геральдика Русского Севера // Север. – 1976. – № 7. – С. 93–98.

¹⁰⁰⁴ Годин В.С., Озерская В.А. Описание городов Пензенской, Тамбовской и Шацкой провинций // Краеведческие записки. – Вып. 2. – Пенза, 1970. – С. 146–155.

¹⁰⁰⁵ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России...

вождалось множеством фактических ошибок и, главное, отсутствием архивных источников. Трактовки эмблем либо заимствовались из книги П.П. фон Винклера, либо являлись домыслами автора, который экстраполировал общие значения символов на конкретные гербы без необходимой критической проверки¹⁰⁰⁶. Серьезным методическим недостатком стала реанимированная идея о древности русских земельных гербов, снова ошибочно возведенных к XII в. Книга Н.Н. Сперансова адекватно отразила уровень геральдических знаний середины XX в.

Новый этап в развитии территориального гербоведения начался в конце 1970-х гг., когда оно приобрело систематический, непрерывный характер, и было разработано учение об институте городского герба¹⁰⁰⁷. Методологически оно опиралось на материалистическую трактовку герба как явления политической надстройки, отражавшего социальный базис. Это понимание позволило считать региональную геральдику социальным институтом, эволюция которого с одной стороны обусловлена изменениями в городском обществе, городском самоуправлении, а с другой – идеологическими устремлениями власти, стремившейся интегрировать ее в систему мер по укреплению своих идейных позиций¹⁰⁰⁸. На формирование гипотезы оказали влияние несколько факторов: зарубежная историография, в которой изучение геральдики в связи с историей местной власти получило большое распространение, интерес к истории русского города XVIII в., наметившийся в 1970-х гг., а также источниковедческая концепция, позволявшая рассматривать герб в контексте разнообразных социальных и политических событий.

Интерпретация городской геральдики как социально-политического явления, как взаимосвязанной системы, модифицировавшейся в зависимости от общих исторических процессов, по-

¹⁰⁰⁶ Так, используя общее толкование значения павлина (победа над трусливым противником) Н.Н. Сперансов ошибочно утверждал, что птица появилась в гербе Серпухова в знак проходивших под городом военных действий. На самом деле, в данном случае она указывала на близлежащий монастырь, где разводили павлинов.

¹⁰⁰⁷ Первая работа, претендовавшая на обобщение проблемы, опубликована в 1976 г.: *Соболева Н.А.* Российская городская геральдика // *ВИ.* – 1976. – № 3. – С. 49–63.

¹⁰⁰⁸ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика... – С. 223.

зволила осмыслить несколько познавательно принципиальных сюжетов. В частности, выяснить единые закономерности, согласно которым развивалось территориальное герботворчество во всех западных странах, и таким образом рассматривать русские гербы как часть европейского геральдического пространства, отвергая тезис об их случайности, стихийности и искусственности. Во-вторых, создавалась основа для более глубокого анализа источниковедческих возможностей городского герба, позволившая отказаться от отношения к нему только как к символу экономических, природных и исторических особенностей региона. Теперь изучались не столько конкретные гербы с их простой и часто наивной информацией, сколько их совокупность, выделяемая по тематическому, хронологическому, территориальному или иному признаку. Используемый ранее только по отношению к родовой геральдике прием выделения мини-пространств экстраполировался на другие объекты. Он создавал новые возможности для источниковедческого синтеза. Гербы приобрели значение источника для анализа социальных процессов, организации управления, внутренней политики. Методическое значение подхода не привело к отказу от классовых оценок. Объективности дискурса по-прежнему препятствовали историографические мифы советской науки. К утверждениям подобного рода можно отнести положения о «нарочитости и помпезности» герботворчества в 1775–1785 гг., призванного «прикрыть классовую сущность» реформы местного управления при Екатерине II, своеобразного «организованного в масштабах государства камуфляжа»¹⁰⁰⁹. Не менее неудачным выглядит стремление опереться при изучении эмблематики на ленинскую теорию познания¹⁰¹⁰.

Учение о социальном статусе городской геральдики позволило уточнить генезис и эволюцию территориального герботворчества в России. В числе прочего были приведены дополнительные аргументы об ошибочности утвердившегося мнения о древности русских городских гербов. Они позволили окончательно вытеснить этот миф за пределы научного познания.

¹⁰⁰⁹ *Соболева Н.А.* Становление института городского герба в России XVIII века // История СССР. – 1981. – № 2. – С. 180.

¹⁰¹⁰ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика... – С. 151–153.

В общем виде история формирования территориальной геральдики приобрела следующий вид¹⁰¹¹. В домонгольский период на Руси существовали эмблемы, которые могли бы стать основой городских гербов, но объективные обстоятельства помешали подобной модификации. В XV–XVI вв. на государственных печатях появились территориальные эмблемы, которые служили компонентом внешнего оформления самодержавной власти. В начале XVIII в. возникли территориальные гербы в полном смысле слова, часть которых представляла собой эволюционное изменение ранних эмблем. Складывался институт городского герба. Формирование в течение XVIII в. представления о гербе как «особой самостоятельной общественной единице» и признание за городом права на самоуправление повлекли за собой развитие региональной геральдики. Областные реформы конца XVIII в., совершенствование законодательства в сфере местного управления, хотя и имели консервативную направленность, привели к массовому герботворчеству. Однако в XIX в. городской герб был вытеснен из сферы общественного внимания, перестал отражать отсутствовавшее в реальности самоуправление, стал явлением исключительно идеологического порядка и использовался в интересах самодержавной власти.

Новые теоретические положения раскрывались дуалистично: через изучение истории герботворчества, демонстрировавшего конкретный процесс создания и утверждения гербов, и через анализ эмблематики, позволявшей уточнить семантику и проследить прообразы отдельных символов, восходящих иногда к XVI в. Анализ территориальной геральдики стимулировал другие разделы дисциплинарного знания, компенсировав недостаток соответствующей литературы.

Окончательное формирование концепции региональной геральдики связано с книгой Н.А. Соболевой¹⁰¹², защищенной в качестве докторской диссертации в 1984 г.¹⁰¹³. Это было первое в отечественной историографии монографическое исследование о территориальных гербах и первая докторская степень, присужденная

¹⁰¹¹ Там же. – С. 221.

¹⁰¹² Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика... Ее популярное изложение: *Она же*. Старинные гербы российских городов. – М., 1985.

¹⁰¹³ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1984.

за изучение геральдики. Книга Н.А. Соболевой закрепила учение о социальной сущности городских символов в качестве парадигмы исследования. Аналогичные методические приемы использовались в работе о геральдике Левобережной Украины, защищенной в качестве кандидатской диссертации В.В. Румянцевой, а затем изданной в виде книги¹⁰¹⁴. Теоретически она полностью основывалась на учении о социальной сущности герба, подтверждая его на иной совокупности фактов. Территориальная геральдика Украины давала даже более широкие возможности в этом отношении, чем российская, поскольку в регионе существовал институт магдебургского права, сложившийся под влиянием Речи Посполитой. Эмблемы некоторых украинских городов конституировались как классические гербы уже в XVI в. В.В. Румянцева детально изучила процесс формирования территориальной геральдики на Украине, заметив, что в XVIII – начале XX в. она развивалась в контексте российского герботворчества.

Несмотря на позитивные изменения в целом, изучение конкретных гербов в 1960-х – первой половине 1980-х гг. исчерпывалось единичными статьями, выдержанными в соответствии с традиционной идеологической моделью. В.А. Захаров¹⁰¹⁵ безосновательно связывал герб Кавказской области XIX в. с кабардинскими народными сказаниями о прикованных к горам великанах, восходящими, по мнению автора, к древнегреческому мифу о Прометее. Наибольшее внимание, как и в XIX в., привлекал московский герб. А.В. Чернецов попытался обнаружить преемственность между изображением всадника и образом Александра Македонского¹⁰¹⁶. Г.В. Вилинбахов продолжил начавшуюся еще в середине XIX в. дискуссию о семантике всадника¹⁰¹⁷. Заново проанализировав уже известные источники, он присоединился к позиции тех историков,

¹⁰¹⁴ Румянцева В.В. Территориальные эмблемы и гербы городов Левобережной Украины (досоветский период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1983; *Она же*. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. – Киев, 1986.

¹⁰¹⁵ Захаров В.А. К истории герба Кавказской области // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Вып. 1. – Нальчик, 1968. – С. 189–191.

¹⁰¹⁶ Чернецов А.В. Кто у истоков герба? // ВС. – 1975. – № 2. – С. 76–77.

¹⁰¹⁷ Вилинбахов Г.В. Всадник русского герба // ТГЭ. – Т. 21. – Л., 1981. – С. 117–122.

которые трактовали его как светскую эмблему, символ государя, лишь в Петровское время названного Святым Георгием. Изменение трактовки Г.В. Вилинбахов связывал с завершением формирования абсолютизма, что вносило в осмысление проблемы неизвестный ранее политический подтекст, демонстрировало широкие познавательные возможности геральдических образов.

Активный интерес к региональной символике возник в 1987 г. и был обусловлен политическими и идеологическими изменениями в СССР, переосмыслением прошлого. В историографии были предприняты попытки обобщить опыт советского территориального герботворчества. Критически анализировались иконография и семантика, подчеркивалась идеологическая обусловленность выбора эмблем, фактически лишавшая символику конкретного населенного пункта индивидуальности.

Общую характеристику состояния советской городской геральдики дал Д.В. Либерман¹⁰¹⁸. Рассматривая ее как «сложное двуединство чистой научной проблематики и практической организационной работы», он выдвигал две задачи, решение которых должно ее одновременно реформировать и стабилизировать: усиление научного компонента (освоение формальных правил) и создание особого государственного органа, который бы координировал и обеспечивал единство герботворчества. Если статья Д.В. Либермана в большей степени ориентировалась на практику геральдики, то В.И. Лавренов обратился к научной стороне проблемы¹⁰¹⁹. Он поставил целью определить познавательные возможности советских гербов и наметить методику их источниковедческого изучения. Хотя были указаны отдельные недостатки (отсутствие геральдического законодательства, иконографическая и семантическая однотипность), вопрос о научной ценности разрешился позитивно, поскольку гербы отражали определенную эпоху, определенную историческую действительность. В методическом отношении повторяя хорошо разработанный в источниковедческой концепции тезис о необходимости комплексного подхода и изучения генезиса изображений, В.И. Лавренов попытался переместить советскую геральдику из сферы практики в сферу научного осмысления. Он также при-

¹⁰¹⁸ Либерман Д.В. Указ. соч.

¹⁰¹⁹ Лавренов В.И. Геральдика советских городов 1960–1980-х годов...

давал советской геральдике глобальный характер, утверждая, что она «как идеологическое явление представляет собой новый этап в мировой геральдике». Существенным отличием советских территориальных гербов от имперских ученые считали тот факт, что они представляют собой «социально-идеологическое явление»¹⁰²⁰.

Статьи Д.В. Либермана и В.И. Лавренова, несмотря на новые, в духе перестроечного времени, оценки, опирались на марксистско-ленинскую методологию, что выдвигало в них на первый план не задачи исторического познания, а классовый подход и политические аспекты. Д.В. Либерман считал, что при разработке новой геральдики принципиально необходимо «не сбиваться с классовых позиций»¹⁰²¹, а В.И. Лавренов предлагал оценивать герб как средство политической пропаганды.

Реакцией на большой общественный интерес к геральдике, проявившийся в период перестройки, на герботворчество, на требования о создании какого-то органа, способствующего этому процессу, стала организация 14 мая 1987 г. при Научном совете по исторической демографии и исторической географии Академии наук СССР Координационной комиссии по созданию и пропаганде городских гербов¹⁰²². Это событие означало признание умиравшей советской властью за территориальными символами права на существование, официальную реабилитацию геральдики как сферы практической деятельности и научного поиска. До того, несмотря на утверждение городских символов на местном уровне, власть категорически отказывалась от учреждения какой-либо общесоюзной геральдической структуры.

В постановлении бюро отделения истории перечислялся состав комиссии. В нее вошло 13 человек: председатель – член-корреспондент (впоследствии академик) Академии наук СССР Ю.А. Поляков, его заместитель – доктор исторических наук Н.А. Соболева, ученый секретарь – кандидат исторических наук С.В. Думин, а также члены – кандидат исторических наук Б.Н. Морозов, кандидат исторических наук С.Д. Мякушев, И.С. Сметанников, художни-

¹⁰²⁰ Там же. – С. 131, 133.

¹⁰²¹ Либерман Д.В. Указ. соч. – С. 227.

¹⁰²² АРАН. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 776. – Л. 150, 154–155. Информация о создании комиссии публиковалась, см.: В президиуме АН СССР // Вестник геральдиста. – 1990. – № 1. – С. 17.

ки В.А. Передерий и Р.И. Маланичев, С.И. Петрова (из Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), кандидат исторических наук В.М. Новиков (из Фонда культуры СССР), доктор исторических наук В.З. Дробижев (из Московского государственного историко-архивного института). Предполагалось также участие в комиссии представителей органов государственной власти – отдела по работе советов Президиума Верховного Совета СССР и Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР. Намечалось дальнейшее расширение состава за счет представителей академий наук союзных республик и Географического общества СССР.

Задачами новой структуры назывались консультации по научному оформлению новых городских гербов, их учет и пропаганда «путем публикации статей в центральной и местной печати», а также альбомов. Деятельность комиссии оказалась не такой плодотворной, какой могла стать потенциально, хотя в нее обращались за консультациями из различных городов (например, из Архангельска). Она не принимала активного участия в создании новых гербов, поскольку инициатива была быстро и агрессивно перехвачена различными общественными организациями, превратившими герботворчество в доходное коммерческое предприятие. Результатом ее существования стали несколько публикаций, в том числе справочник о современных гербах российских городов¹⁰²³.

Реальная ситуация с герботворчеством в конце 1980-х гг., когда советские гербы вытеснялись имперскими или изменялись по классическим правилам, в сочетании с общим контекстом негативного отношения к тоталитарной эпохе¹⁰²⁴, сделали попытки совершенствования геральдики советского периода, корреляции ее с новой эпохой неактуальными. Работы о гербах, созданных после 1917 г., сменились публикациями о досоветских, которые публиковались преимущественно в массовых изданиях¹⁰²⁵ и в значительной сте-

¹⁰²³ Гербы городов России. – М., 1998.

¹⁰²⁴ В статье И. Наливайко о латышских гербах, например, даже не упоминалось о наличии у городов российских и советских гербов (*Наливайко И. Исторические гербы латышских городов // Даугава. – 1989. – № 2. – С. 92–94*).

¹⁰²⁵ *Лавренов В.И.* Гербы морских городов. Архангельск // Вымпел. – 1987. – № 1. – С. 46–47; *Он же.* Гербы морских городов. Санкт-Петербург // Там же. – № 2. – С. 44–45; *Он же.* Гербы морских городов. Охотск // Там же. – № 3. – С. 46–47; *Он же.* Гербы

пени способствовали популяризации дисциплины. Интерес к гербам детерминировался потерей доверия к официальной концепции прошлого и, как следствие, стремлением иметь полное и объективное представление об исторических событиях¹⁰²⁶. Полузабытая геральдика воспринималась в таких условиях как элемент точного познания, как своеобразный протест против нивелирования «населенных пунктов», как обретение индивидуальности, неповторимости местной истории. Территориальная геральдика явилась частью возрождавшегося краеведения. Старые символы противопоставлялись советским, которые на рубеже 1980-х – 1990-х гг. стали открыто называть «псевдогербами». Публикации о конкретных гербах опирались преимущественно на труд П.П. фон Винклера¹⁰²⁷ и соответствовали упрощенной модели, включавшей два основных компонента – описание и разъяснение смысла эмблем.

Истории отечественной геральдики как самостоятельного направления изысканий в 1960-е – 1970-е гг. не существовало. Ее элементы были интегрированы в исследования об иных сюжетах. События истории геральдики XVII в. рассматривались в общих работах по международным связям, по книговедению и древнерусской литературе. Продолжался анализ «Титулярника»¹⁰²⁸, текст которого изучался как историографический факт, а внешнее оформление – в контексте книжного и изобразительного искусства XVII в. «Родословие», составленное австрийским герольдмейстером Л. Хуреличем, получило оценку в связи с публицистическими задачами,

морских городов. Кола. Кронштадт // Там же. – № 7. – С. 41–42; *Он же*. Герб Твери: история эмблемы и символа // Политическая агитация. – 1988. – № 17. – С. 24–27; № 18. – С. 22–24; *Ажар Л.* Гербы города // Енисей. – 1988. – № 4. – С. 64–65; *Римша Э.* Литовская историческая и национальная символика // Литва литературная. – 1989. – № 2. – С. 92–99; *Назаров В.* Живая вода истории // Клуб. – 1990. – № 10. – С. 21; *Он же*. Отзвуки истории // Там же. – № 8. – С. 33; *Он же*. Логика символов // Там же. – № 4. – С. 11.

¹⁰²⁶ *Бородулин А.* Энциклопедия на геральдических щитах // ТМ. – 1990. – № 6. – С. 62.

¹⁰²⁷ *Винклер П.П. фон.* Указ. соч.

¹⁰²⁸ *Калишевич З.В.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. – М., 1961. – С. 398–400; *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги второй половины XVII в.) // Книга: исследования и материалы. – Вып. 8. – М., 1963. – С. 182–187; *Каган-Тарковская М.Д.* Указ. соч.

поставленными автором¹⁰²⁹. Даже переведенная с польского языка рукопись XVII в., содержащая описания западных гербов и опубликованная О.А. Белобровой¹⁰³⁰, представлялась только как часть литературного процесса. Библиографической и книговедческой по сути была статья А.И. Маркушевича¹⁰³¹, сравнившего известное издание «Символов и эмблематов» с его источниками – сборниками Д. де ля Фея конца XVII в.

Целенаправленное обращение к истории научной геральдики началось в 1980-е гг. Оно было обусловлено двумя обстоятельствами: созданием в 1980 г. в Государственном Эрмитаже геральдического семинара и отмечавшимся в 1982 г. столетием В.К. Лукомского. Деятельность семинара стимулировала изыскания, сделала возможной консолидацию заинтересованных лиц, обмен мнениями и информацией. Сам факт его возникновения имел существенное значение для истории дисциплины, свидетельствовал о начале ее возрождения, несмотря на все идеологические препятствия. Семинар задумывался как научный центр, его работа освещалась в печати¹⁰³². Сделанные на заседаниях доклады послужили основой для двух сборников¹⁰³³. Многие материалы второго из них касались истории геральдики: деятельности Гербового отделения Департамента Герольдии¹⁰³⁴, возможностям Гербовника А.Т. Князева при проведении гербовой экспертизы печатей¹⁰³⁵ и т. д.

Юбилейные мероприятия, посвященные В.К. Лукомскому, были не только отмечены информационным отчетом¹⁰³⁶, но и способствовали обретению геральдистом статуса наиболее крупного

¹⁰²⁹ *Рогов А.И.* Русско-австрийские культурные связи XVII в. // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. – М., 1965. – С. 20–28.

¹⁰³⁰ *Белоброва О.А.* Указ. соч.

¹⁰³¹ *Маркушевич А.И.* Указ. соч.

¹⁰³² *Вилинбахов Г.В.* Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина» // СГЭ. – Вып. 47. – Л., 1982. – С. 104–105.

¹⁰³³ Геральдика: материалы и исследования. – Л., 1983; Геральдика: материалы и исследования. – Л., 1987.

¹⁰³⁴ *Ерошкин Н.П.* Гербовое отделение сенатского Департамента Герольдии в начале XX века // Геральдика. – Л., 1987. – С. 5–16.

¹⁰³⁵ *Добровольская М.А.* «Гербовник» А.Т. Князева и несколько печатей из собрания Эрмитажа // Геральдика. – Л., 1987. – С. 101–106.

¹⁰³⁶ *Борисов И.В.* Заседание «К 100-летию со дня рождения В.К. Лукомского» // Археологический ежегодник за 1982 г. – М., 1983. – С. 296.

отечественного специалиста в области дисциплины. До этого момента биографические публикации об исследователях исчерпывались небольшой заметкой о Ю.В. Арсеньеве в «Советской исторической энциклопедии», характеристикой деятельности Б.В. Кёне в нумизматических трудах и анализом геральдического творчества известного графика Г.И. Нарбута¹⁰³⁷. В.К. Лукомский был удобной фигурой для изучения: значительная часть его жизни прошла после 1917 г., он не эмигрировал, не подвергся серьезным репрессиям, имел официальное признание научных заслуг – доктор исторических наук, профессор. Уже в 1983 г. его назвали «первым советским геральдистом»¹⁰³⁸, «отцом советской геральдики и эмблематики», т. е. причислялся к категории советских историков. Это давало возможность изучать вклад В.К. Лукомского в науку. Во второй половине 1980-х гг. появились статьи, посвященные его биографии в целом и отдельным аспектам деятельности¹⁰³⁹. Все они фактографичны и предназначены для введения в научный оборот конкретных сведений. Некоторые работы грешили неточностями и не были корректны методически. Так, А.М. Пашков предпринял попытку реконструировать содержание специального курса по геральдике, читавшегося В.К. Лукомским в Санкт-Петербургском Археологическом институте. Материалов лекций не сохранилось, но исследователь, опираясь на свое же утверждение, что их можно восстановить на основе опубликованных работ, предложил некий вариант содержания текста. С подобным методом реконструкции согласиться нельзя, поскольку прямой, гарантированной связи между лекциями и публикациями ученого не существует, а обобщающего труда В.К. Лукомский не оставил. Работа А.М. Пашкова не подкреплена необходимыми источниками.

К концу 1980-х гг. В.К. Лукомский приобрел широкую известность и популярность, к его деятельности во многом сводилась вся история научной геральдики первой половины XX в. Интерес к личности ученого способствовал изучению руководимого им Гер-

¹⁰³⁷ [Капитанов С.М.] Арсеньев Юрий Васильевич // СИЭ. – Т. 1. – М., 1961. – Стлб. 793; Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. 8. – М., 1970. – С. 152–154; Белецкий П.А. Георгий Иванович Нарбут. – Л., 1985.

¹⁰³⁸ Борисов И.В. Указ. соч. – С. 296.

¹⁰³⁹ См. сноску 13.

бового музея. Первоначально это была небольшая заметка, информировавшая о выставке, подготовленной отделом нумизматики Государственного Эрмитажа в связи с юбилеем геральдиста¹⁰⁴⁰. Позже появился обзор сохранившихся архивных материалов музея¹⁰⁴¹, а завершающим этапом стал очерк о его деятельности¹⁰⁴². Архивный обзор геральдических источников был подготовлен в отечественной дисциплинарной историографии впервые, и этот факт свидетельствовал о стремлении придать изысканиям надежное источниковедческое основание. Одновременно с ним опубликовали другой обзор, касавшийся гербовых материалов фондов Департамента Герольдии и «Коллекции гербов, жалованных грамот, дипломов и патентов на чины»¹⁰⁴³, хранившихся в Российском государственном историческом архиве (в тот момент он назывался Центральный исторический архив СССР). Кроме сугубо источниковедческого эта статья имела эвристическое значение, поскольку информировала о справочниках, созданных в Департаменте Герольдии для служебного пользования. Публикации на грани истории и источниковедения создавали возможность более полного изучения конкретных сюжетов геральдики, особенно родовой.

К работам по истории дисциплины примыкали библиографические указатели, выходявшие в свет в 1970-е – начале 1980-х гг. Они осуществляли ретроспективный и текущий учет литературы. В пособии О.Н. Вовчок¹⁰⁴⁴, как и во всей историографии, посвященной советской геральдике, был чрезвычайно заметен идеологический момент. Наряду с работами о гербах в него вошли труды К. Маркса, В.И. Ленина, Л.И. Брежнева и др. Попытка наладить регулярную фиксацию геральдических публикаций оказалась неудач-

¹⁰⁴⁰ Добровольская М.А. Печати и предметы геральдики из коллекции бывшего Гербового музея // СГЭ. – Вып. 50. – Л., 1985. – С. 63–64.

¹⁰⁴¹ Суханова О.П. Материалы Гербового музея (обзор) // Геральдика. – Л., 1987. – С. 116–128.

¹⁰⁴² Очерк содержался в диссертации И.В. Борисова (*Борисов И.В. Гербовые изображения в России...*).

¹⁰⁴³ Иванова М.Д. Указ. соч.

¹⁰⁴⁴ Вовчок О.Н. Герб и флаг: аннотированный указатель литературы о советской эмблематике. – Одесса, 1973; *Она же*. Наш герб и флаг: аннотированный указатель литературы о советской эмблематике. – Одесса, 1977.

ной. Она исчерпалась единственным списком за 1980 г.¹⁰⁴⁵, в котором собственно труды о гербах практически отсутствовали, но имелись вексиллологические, фалеристические, униформологические исследования. В условиях идеологических ограничений и историографической дискретности геральдическая библиография существовать не могла.

Серьезные трудности возникали в 1960-е – 1980-е гг. при изучении государственной символики Российской империи. Даже в конце этого периода в публикациях для массового читателя ей давались самые уничижительные характеристики. П.М. Золин, например, в 1987 г. писал, что двуглавый орел отражал главную идею самодержавия – держать народ покорным Церкви и царю¹⁰⁴⁶. Редкие публикации о государственном гербе появлялись либо благодаря стечению особых обстоятельств, либо из-за благополучного политического момента. Статья о двуглавом орле в «Советской исторической энциклопедии» и соответствующий раздел в учебном пособии Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова¹⁰⁴⁷ стали возможны благодаря «оттепели» начала 1960-х гг.

В эмигрантской историографии, разумеется, никаких ограничений не существовало. Наоборот, двуглавый орел был одним из важнейших символов, напоминавших о России. В 1966 г. в Париже вышла в свет книга бывшего офицера В.С. Новикова¹⁰⁴⁸, который пытался обнаружить в изображении мистический смысл, реализуемый через иконографическую эволюцию. Автор выражал уверенность, что при падении коммунистического режима в России неминуемо произойдет возврат к старой государственной символике.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. к изучению двуглавого орла обратились зарубежные исследователи¹⁰⁴⁹. Их привлекала проблема происхождения русского двуглавого орла, являвшаяся частным

¹⁰⁴⁵ Библиография советских публикаций по геральдике за 1980 год // Геральдика. – Л., 1983. – С. 139–144.

¹⁰⁴⁶ Золин П.М. Герб, гимн, флаг и столица нашей Родины: кн. для учащихся. – М., 1987.

¹⁰⁴⁷ Каменцева Е.И., Луппол А.Н. Герб Российской империи // СИЭ. – Т. 4. – М., 1963. – Стлб. 255–256; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч.; Они же. Указ. соч. – 2-е изд., доп.

¹⁰⁴⁸ Новиков В.С. Русский государственный орел. – Париж, 1966.

¹⁰⁴⁹ Alef G. The adoption of the muscovite two-headed eagle: A discordant view // Speculum. – 1966. – V. 41. – № 1; Hellmann M. Moscau und Byzanz // Jahrbucher fur

выражением диалога «Восток-Запад» и анализируемая в контексте межгосударственных связей. Были приведены убедительные аргументы в пользу версии о заимствовании символа из Западной Европы, которое произошло благодаря контактам Ивана III со Священной Римской империей. Факт рецепции эмблемы рассматривался в связи с политической ситуацией конца XV в., когда Русь пыталась интегрироваться в систему европейских международных отношений. Эти исследования развивали идеи, высказанные еще Н.П. Лихачевым, но подкрепляли их фактами.

Итоги изучения государственной геральдики подвела статья Н.А. Соболевой¹⁰⁵⁰, которая была первым после длительного перерыва опытом научного осмысления сюжета. Она содержала обзор новых версий происхождения символа (А.В. Соловьева и западных исследователей). В ней в отличие от публикаций начала XX в. акцентировались иконографическая эволюция, а о политическом значении двуглавого орла, о его связи с развитием русской государственности и политическими притязаниями Ивана III умалчивалось. Статья прорвала многолетнее замалчивание истории государственного герба России, и в конце 1970-х – начале 1980-х гг. произошел кратковременный всплеск научного интереса к нему¹⁰⁵¹. Однако это не означало полного исчезновения запретов на изучение темы. Как и на генеалогию русского дворянства, на исследование государственной символики существовали хронологические ограничения, отдалявшие их от современности. Осмысление подобных сюжетов допускалось на источниках, относившихся к периоду до начала XIX в.

Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1969. – Bd. 17. – Н. 3; *Stokl G.* Testament und Siegel Ivans IV. – Opladen, 1972.

¹⁰⁵⁰ Соболева Н.А. Символы русской государственности // ВИ. – 1979. – № 6. – С. 47–59.

¹⁰⁵¹ Северова М.Б. Медные монеты иранских городов с надчеканенным двуглавым орлом // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. – Л., 1977. – С. 183–197; *Вилинбахов Г.В.* Государственная геральдика России конца XVII – первой четверти XVIII века...; *Гурьянова Н.С.* Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 80–86; *Соболева Н.А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 179–186.

В отличие от пропагандистских публикаций в научных работах не могло быть идеологической критики государственного герба, но связь с политической историей, как того требовало материалистическое понимание истории, обозначалась весьма последовательно. Н.С. Гурьянова обнаружила в одном из старообрядческих сочинений конца XVIII в. сопоставление двуглавого орла с распространением среди народа мнением о царе Алексее Михайловиче как антихристе. Этот факт получил оценку как выражение «антимонархического протеста»¹⁰⁵². В контексте формирования идеологии абсолютизма рассмотрел государственную символику Петровского времени Г.В. Вилинбахов. В кандидатской диссертации¹⁰⁵³, которая была опубликована по частям в цикле статей 1980-х гг.¹⁰⁵⁴, он характеризовал период как момент сосуществования двух геральдических систем – старой, средневековой, и новой, имперской. Расширив круг государственных символов за счет андреевского креста, единорога, креста Константина и меча, исследователь сумел показать постепенную трансформацию системы от обобщенного образа ездока к индивидуальному указанию на правителя (вензель под короной), что отражало идеологическую эволюцию от абстрактного самодержавия к «персонифицированному абсолютизму», диктатуре конкретного лица. Каждый из символов, бытовавших на рубеже XVII–XVIII в., под влиянием идеологических факторов приобретал личностную окраску, оказывался каким-либо образом связанным с Петром I и одновременно отображал этапы формирования Российской империи, с провозглашением которой в 1721 г., по мнению автора, двуглавый орел «стал адекватен тому, что обозна-

¹⁰⁵² Гурьянова Н.С. Указ. соч. – С. 86.

¹⁰⁵³ Вилинбахов Г.В. Указ. соч.

¹⁰⁵⁴ Вилинбахов Г.В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака // Культура и искусство Петровского времени. – Л., 1977. – С. 144–158; Он же. Отражение идеи абсолютизма в символике петровских знамен // Культура и искусство России XVIII в.: новые материалы и исследования. – Л., 1981. – С. 7–25; Он же. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 664. – Тарту, 1984. – С. 46–55; Он же. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л., 1985. – С. 188–196; Он же. Символика меча в русской государственной геральдике XVII – первой четверти XVIII вв. // Геральдика. – Л., 1987. – С. 56–69.

чал, т. е. империи»¹⁰⁵⁵. Несмотря на познавательную новизну исследования Г.В. Вилинбахова имели теоретико-методический недостаток. Прямое причисление к категории государственной геральдики нескольких символов продолжило историографическую традицию необоснованного расширения понятия «герб», при котором он смешивался с символом или эмблемой.

Основой для изучения государственной символики послужила дискуссия о сущности абсолютизма, развернувшаяся в историографии конца 1960-х – начала 1970-х гг. Работы Г.В. Вилинбахова дополнили ее преимущественно социально-экономические аспекты идеологическим компонентом.

Другой традицией, сохранявшейся в 1970-е – 1980-е гг., стала интеграция сюжетов, связанных с двуглавым орлом, в нумизматические и сфрагистические работы. Для реконструкции визуального ряда имело существенное значение уточнение датировки большой государственной печати Ивана IV. Н.А. Соболева высказывала предположение, что она могла быть создана в период с сентября 1577 г. по октябрь 1578 г.¹⁰⁵⁶. В.В. Уздеников выделил иконографические типы двуглавого орла, которые воспроизводились на русских монетах конца XVII – начала XX в.¹⁰⁵⁷

В целом, в 1960-е – середине 1980-х гг. о систематическом и всестороннем изучении государственной геральдики России речи идти не могло. Исследования были разрозненными и случайными. В конце 1980-х гг. ситуация начала изменяться. Как и в случае с территориальной геральдикой, сначала новые веяния отразились в массовых изданиях (преимущественно в газетах). Исчез критический тон, стала подробно описываться иконографическая эволюция, подчеркивалась связь символа с русской историей, со становлением национальной государственности¹⁰⁵⁸. В условиях борьбы союзных республик за политическую самостоятельность и суверенитет подобные публикации приобретали злободневное политическое значение. После принятия 12 июня 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации» вопрос о

¹⁰⁵⁵ Вилинбахов Г.В. Государственная геральдика России конца XVII – первой четверти XVIII века... – С. 22.

¹⁰⁵⁶ Соболева Н.А. О датировке большой государственной печати...

¹⁰⁵⁷ Уздеников В.В. Монеты России 1700–1917 гг. – М., 1985. – С. 428–434.

¹⁰⁵⁸ Дысенко Н.Н. Русская государственная символика. – Л., 1990.

символике приобрел большую общественную актуальность, переместившись из сферы научных изысканий в область политических дискуссий.

Специфическую форму приняло в 1960-е – 1980-е гг. изучение родовой геральдики. Работы, прямо касавшиеся дворянских гербов, отсутствовали. Как и предполагал в 1930-е гг. В.К. Лукомский, основным фактором, поддержавшим изыскания в этой сфере, стала гербовая экспертиза, результаты которой становились поводом для редких публикаций. Атрибуция гербов проводилась не только на традиционных печатях, но и на предметах из бисера, фарфора, серебра, на фалеронимах¹⁰⁵⁹. Как правило, для анализа избирались вещественные памятники, связанные с известными историческими лицами: военачальниками, учеными, государственными деятелями. Особенно часто к гербам как средству атрибуции обращались сотрудники Государственного Эрмитажа, использовавшие в работе материалы В.К. Лукомского, которые попали в собрание вместе с коллекциями Гербового музея. Изучению сфрагистических памятников в категориях геральдики посвящены работы А.А. Покорны, Г.А. Ивановой, М.А. Добровольской¹⁰⁶⁰. Объектом исследований служили и отдельные печати (например, директора Царского лицея Е.А. Энгельгардта), и целые группы, отобранные по родовому или территориальному признакам. Количественно они могли быть довольно значительными (печатей князей Огиньских было использовано 9, графов Суворовых-Рымникских – 13). Это позволяло их систематизировать, воссоздавая своеобразное генеалогическое древо визуальных изменений, т. е. использовать метод, известный в трудах С.Н. Тройницкого, М.А. Таубе и других геральдистов. А.А. Покорна сделала анализ хранившихся в Эрмитаже печатей украинского дворянства (графов Разумовских, графов

¹⁰⁵⁹ Покорна А.А. Бисерное панно с гербом Ф.Ф. Шуберта // СГЭ. – Вып. 27. – Л., 1966. – С. 74–76; Михайлова О.Э. Голландское блюдо с гербом Строгановых // Там же. – Вып. 30. – Л., 1969. – С. 18–20; Шукина Е.С. Незданный жетон И.И. Шувалова // Там же. – Вып. 40. Л., – 1975. – С.75–76.

¹⁰⁶⁰ Покорна А.А. Две печати с гербом гр. Платовых // ТГЭ. – Т. 12. – Л., 1971. – С. 186–188; Иванова Г.А. Печатка из собрания Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Там же. – С. 189–191. Добровольская М.А. Личные печати рода Огиньских в Эрмитаже // Там же. – Т. 21. – Л., 1981. – С. 186–192; Она же. Печати с гербом Суворовых-Рымникских, князей Итальянских, в Эрмитаже // Там же. – Т. 26. – Л., 1986. – С. 65–68.

Кочубеев и др.), отметив их значение как источника по истории русско-украинских связей¹⁰⁶¹.

Совокупность поставленных исследовательских задач была вполне традиционна и соответствовала внешней источниковедческой критике. По орденам устанавливалась принадлежность предмета конкретному представителю рода. Затем по ним же или по ранговым коронам уточнялась датировка, иногда – в пределах нескольких лет. Так, матрица печати В.П. Бороздны была отнесена по изображению ордена Святой Анны второй степени с короной к 1848–1850 гг.¹⁰⁶². Иногда удавалось установить место изготовления, вплоть до конкретного предприятия, и обстоятельства создания предмета. Изучая гербы и клейма серебряного блюда XVII в., М.М. Постникова-Лосева установила его принадлежность одному из членов рода Лесли и проследила судьбу памятника¹⁰⁶³.

Эти изыскания свидетельствовали о сохранении гербовой экспертизы как метода исследования, однако негативное отношение к геральдике проявлялось и в некоторых из них. Доминировал искусствоведческий или музейный подход, изучение самого герба отходило на второй план, не было предметом целенаправленного анализа, а только одним из средств получения информации. Геральдический компонент часто ограничивался описанием или, в лучшем случае, указанием на иконографическую вариативность герба.

Количественный рост работ, связанных с гербовой экспертизой, пришелся на первую половину 1980-х гг. Накопление практического опыта способствовало методическим обобщениям. Стремление усовершенствовать методы атрибуции, расширить сферу их использования отразила статья М.А. Добровольской, показавшая большую роль Гербовника А.Т. Князева при изучении печатей XVIII в.¹⁰⁶⁴ с самобытными изображениями гербов.

В 1980-е гг. возобновилось непосредственное исследование родовых гербов. С.В. Думин выступил с разоблачением старого, быто-

¹⁰⁶¹ Покорна А.А. Печати с гербами украинского дворянства // Нумизматика и сфрагистика. – Вып. 4. – Киев, 1971. – С. 68–77.

¹⁰⁶² Там же. – С. 75.

¹⁰⁶³ Постникова-Лосева М.М. Серебряное блюдо с шотландским гербом // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник, 1980 г. – Л., 1981. – С. 488–492.

¹⁰⁶⁴ Добровольская М.А. «Гербовник» А.Т. Князева и несколько печатей...

вавшего с середины XIX в. мифа о наличии в гербах русских дворян восточного происхождения определенного набора эмблем (полумесяц, стрелы, звезды)¹⁰⁶⁵. Проанализировав иконографию подобных гербов в сочетании с генеалогическими данными, он пришел к выводу о том, что перечисленные эмблемы не указывали на определенное происхождение. Неизвестный герб архитектора Д. Кваренги, который был опубликован в журнале «Наше наследие»¹⁰⁶⁶, обозначил восстановление археографических работ по родовой геральдике.

Изучение частных гербов продолжалось в эмиграции, где к ним обращался М.А. Орбек, племянник С.Б. Веселовского. Он опубликовал несколько работ, посвященных русской геральдике, в том числе – о гербах Веселовских и баронов Шафировых¹⁰⁶⁷.

В конце 1960-х гг. изменилось отношение к зарубежной геральдике. Как и до 1917 г., к ней обращались при описании генезиса гербов в Европе. В 1979 г. была опубликована популярная статья А.П. Левандовского¹⁰⁶⁸, в которой содержался краткий очерк развития геральдики в Средние века, указывалось на ее связь с событиями политической и социально-экономической истории.

При обращении к зарубежной геральдике не обходилось без критических оценок, упоминаний о «классовых боях» – обычных идеологических штампов советской эпохи. Экскурсы в государственную символику сопровождалось политическими комментариями, в которых подчеркивались различия между гербами социалистических и капиталистических стран. Толкование первых соответствовало стереотипам, использовавшимся при характеристике советской геральдики. В отношении вторых преобладал пропагандистский тон, раскрывались их «антинародная и агрессивная сущность», «лживость». Как писал один из авторов, «современные гербы многих буржуазных стран содержат в себе фигуры, отража-

¹⁰⁶⁵ Думин С.В. Восточные эмблемы в русских родовых гербах // Геральдика. – Л., 1987. – С. 95–100.

¹⁰⁶⁶ Кротов М.Г., Мусеев Ю. Герб Кваренги // Наше наследие. – 1990. – № 1. – С. 23.

¹⁰⁶⁷ Orbec M. Blason au Lincoln's Inn a Londres d'Abraham Pavlovitch Wesselowski, 1685–1783, gentilhomme russe, sujet anglais, puis citoyen de Genève // Archives héraldiques. – Suisse, 1954; Orbec M. Le baron Pierre Pavlovitch Schafirov (1669–1739), vise-chancelier de Pierre le Grand (Descendance, titre et blazon) // Versailles. – 1962. – № 12. – P. 48–53.

¹⁰⁶⁸ Левандовский А.П. Из истории геральдики // НИЖ. – 1979. – № 3. – С. 92–96.

ющие стремления правящих классов завуалировать социальное неравенство и угнетение одного класса другим»¹⁰⁶⁹. В конце 1960-х гг. подчеркивалась связь государственной символики с национально-освободительной борьбой в странах Африки, Азии и Латинской Америки, с крушением колониальной системы.

Ярким образцом пропагандистского подхода стала первая в советской историографии книга о государственных символах зарубежных стран, написанная журналистом, обозревателем газеты «Советская Россия» Э.Г. Баскаковым¹⁰⁷⁰. Привлекая в минимальном объеме случайные, разрозненные факты, автор подменял отсутствие информации политическими оценками, изложением «народных преданий» и жизненных историй. Символика каждой из стран характеризовалась в зависимости от ее политического строя. Понимая, видимо, недостатки своего текста, автор просил не считать книгу справочником и указывал, что не претендует на полноту изложения¹⁰⁷¹.

В отличие от него В.А. Соколов, автор второй книги на ту же тему, наоборот стремился к энциклопедизму¹⁰⁷². Хотя в предисловии все требуемые эпохой штампы были повторены, модель изложения фактологии была схематична и состояла из определенного набора компонентов: рисунок, описание, сведения об утверждении, толкование семантики, библиография. Однако удачный замысел не получил достойной реализации. Книга грешила многочисленными ошибками, и встречена была критически¹⁰⁷³.

Несмотря на недостатки обоих изданий, они привлекли внимание к зарубежной геральдике. Это получило подтверждение в специальной энциклопедической статье¹⁰⁷⁴ – первой подобного рода, которая также была выдержана в пропагандистском духе. В журнале «География в школе» появилось несколько популярных статей

¹⁰⁶⁹ Соколов В.А. Символы государственного суверенитета. – Саратов, 1969. – С. 5.

¹⁰⁷⁰ Баскаков Э.Г. Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. – М., 1967.

¹⁰⁷¹ Там же. – С. 3, 4.

¹⁰⁷² Соколов В.А. Указ. соч.

¹⁰⁷³ Афанасьев В.Л. Символ невежества // Литературная Россия. – 1970. – 13 марта. – № 11. – С. 14.

¹⁰⁷⁴ Государственные гербы зарубежных стран // БСЭ. – 3-е изд. – Т. 7. – М., 1972. – С. 162.

В.П. Максаковского¹⁰⁷⁵, призванных расширить использование сведений о государственной символике в среднем образовании.

Изучение геральдического опыта конкретных стран возродилось в 1970-е гг. М.С. Альперович опубликовал небольшую заметку о гербе Мексики¹⁰⁷⁶. Ю.К. Бегунов проанализировал изображение болгарского герба в некоторых европейских источниках XV в., а Б.П. Зайцев и Г.Н. Попов – его историю с древнейших времен до конца XX в.¹⁰⁷⁷. Осмысливался опыт городского герботворчества в Румынии и Чехословакии, причем в последнем случае особенно интересовал концептуальный подход к организации такой работы, а приводившиеся сведения демонстрировали интеграцию науки, архивоведения и практики¹⁰⁷⁸. В 1980-х гг. началось рецензирование изданных за границей геральдических трудов, преимущественно о городских гербах¹⁰⁷⁹. Интерес к территориальным символам был обусловлен процессами, происходившими в СССР. Историография родовой геральдики исчерпывалась единичными публикациями, из которых наибольший интерес представляло исследование Е.С. Щукиной о гербах на германских фалеронимах XVII в.¹⁰⁸⁰. Следует отметить, что и в данном случае проявилась общая тенденция совет-

¹⁰⁷⁵ Максаковский В.П. Флаги и гербы иностранных государств // География в школе. – 1957. – № 3. – С. 53–56; Он же. О гербах зарубежных стран // Там же. – 1965. – № 4. – С. 71–74; Кузнецов А.П., Максаковский В.П. О символике государственных флагов и гербов стран мира // Там же. – 1977. – № 1. – С. 67–74.

¹⁰⁷⁶ Альперович М.С. Мексиканский герб // ВИ. – 1967. – № 5. – С. 217–218.

¹⁰⁷⁷ Бегунов Ю.К. Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя // Советское славяноведение. – 1974. – № 2. – С. 59–63; Зайцев Б.П., Попов Г.Н. Государственный герб Народной республики Болгарии // Вестник Харьковского университета. – Вып. 266. – Харьков, 1984. – С. 96–102.

¹⁰⁷⁸ Трестинь А.Н. Гербы рассказывают // Румыния. – 1972. – № 12. – С. 30–33; Королев Г.И. Участие чехословацких архивистов в разработке городской геральдики // СА. – 1984. – № 5. – С. 62–66.

¹⁰⁷⁹ Соболева Н.А. [Рецензия] // Советское славяноведение. – 1979. – № 5. – С. 114–116. – Рец. на кн.: *Kuszyński St.K. Herb Warszawy.* – Warszawa, 1977; Молчанов А.А. [Реф. на кн.:] Новак Й. Родовые гербы в Словакии. – Мартин, 1980. – Т. 1 // Общественные науки за рубежом. – Сер. 5: История. – 1982. – № 6. – С. 150–151; Королев Г.И. [Рецензия] // ВИ. – 1987. – № 6. – С. 172. – Рец. на кн.: *J. Čarek. Městské znaky v českých zemích.* – Praha, 1985; Он же. [Рецензия] // Там же. – 1988. – № 5. – С. 175–176. – Рец. на кн.: *Pelant J. Znaky a pečetě zapadočeských měst a městeček.* – Plzeň, 1985.

¹⁰⁸⁰ Щукина Е.С. Геральдика в медальерном искусстве Германии XVII в. // Геральдика. – Л., 1987. – С. 84–94.

ского периода – связывать родовую геральдику с конкретными вещественными памятниками.

Изучение зарубежной геральдики оживилось в конце 1980-х гг. Политика разрядки международной напряженности и поиск путей диалога с так называемыми «капиталистическими странами» историографически выразились через популярные статьи о государственных символах США и Канады¹⁰⁸¹, исключительно информационных по содержанию и лишенных каких бы то ни было политических и идеологических оценок. В 1990 г. в журнале «Вокруг света» началась публикация серии статей о государственных символах стран мира¹⁰⁸², которые окончательно закрепили нейтральный, информационный подход при освещении зарубежной государственной символики. Сосредоточившись на изложении истории гербов и флагов, их описании и толковании, авторы проводили идею о традиционализме как фундаментальной характеристике любой национальной символики.

Важнейшим событием стало создание в апреле 1991 г. первой в истории России общественной организации в сфере символики – Всероссийского (впоследствии Всероссийского) геральдического общества. Оно являлось не столько научным сообществом, сколько собранием любителей геральдики, преимущественно коллекционеров значков, но наряду с популяризацией геральдических знаний, ставило перед собой исследовательские задачи, предполагало развернуть издательскую деятельность. Объективно все это должно было способствовать восстановлению отечественного гербоведения как полноценной научной дисциплины, свидетельствовало о повышении ее социального значения.

В 1960-е – середине 1980-х гг. получили окончательное развитие те черты, которые формировались в дисциплине в 1930-е – 1950-е гг. В начале 1960-х гг. произошла частичная реабилитация геральдики как сферы научного познания, хотя констатация ее ценности для изучения прошлого оставалась декларативной и не означала интенсифи-

¹⁰⁸¹ Пleshков В.Н. Герб, флаг и гимн США // США: экономика, политика, идеология. – 1986. – № 12. – С. 117–120; Данилов С.Ю., Черкасов А.И. Герб, флаг и гимн Канады // Там же. – 1987. – № 5. – С. 124–127.

¹⁰⁸² Вилинбахов Г.В., Медведев М.Ю. Геральдический альбом // ВС. – 1990. – № 4. – С. 15–17; Они же. Геральдический альбом // Там же. – № 6. – С. 53–56; Они же. Геральдический альбом // Там же. – № 8. – С. 29–31.

кации самих изысканий. Отношение к геральдическому знанию часто определялось прагматическими потребностями идеологии, герботворчества или музейного дела. Геральдика существовала в минимально допустимом объеме. Ко второй половине 1970-х гг. дискретность ее развития была преодолена, процесс приобрел преемственный характер, но исследования о гербах нельзя признать систематическими и всесторонними. Публикации появлялись стихийно, сохранялась тематическая диспропорция, популярная литература преобладала над научной. Работы, предназначенные для массового читателя, приносили определенную пользу, делали информацию о гербах доступной, но обилие фактических ошибок, ложных утверждений снижали их значение.

Доминирующей методологической основой гербоведения в 1960-е – 1980-е гг. стало марксистское учение о прошлом при сохранении элементов постепенно деградировавшей источниковедческой концепции, которая лишилась фундаментальных компонентов (эвристического направления, представления о самоценности источниковедческого анализа герба). Материалистическое понимание, конечно, дало определенные результаты. Они выразились, в частности, в учении о социальной сущности городской геральдики. С другой стороны, марксистско-ленинская методология постоянно требовала интерпретировать любой герб в идеологических и политических категориях. Такое давление оказывало на научную геральдику негативное влияние, проявляясь в тематических ограничениях, ангажированности характеристик, выводов и обобщений, снижении аналитического уровня. Идеологический детерминизм мешал объективному изучению гербов. Особенно заметен прессинг стал в конце 1970-х – начале 1980-х гг., в условиях идеологического кризиса советской системы.

Характерной чертой дисциплины после 1917 г. стало соответствие идеологическим кампаниям, приоритетным направлениям политики, которые провозглашались в конкретный период.

Научная геральдика 1970-х – начала 1980-х гг. наиболее четко и полно воплотила модель исторического познания, свойственного советскому периоду. Состояние ее стабилизировалось, но кризис не был преодолен полностью. Теоретически и методически исследова-

ния отставали от мировой и досоветской историографии, уступая ей и в познавательном, и в информационном отношении.

Во второй половине 1980-х гг. гербоведение вместе со всем обществом и исторической наукой вступило в период кардинальных изменений. Новые тенденции формировались постепенно. Имелся переходный период, для которого характерна противоречивая исследовательская ситуация. С одной стороны, сохранялись советские подходы к анализу гербов, с другой – начали высказываться новые идеи, осваивались неизвестные ранее источники и проблемы, перестал декларироваться классовый подход. Досоветский опыт интерпретировался как полноценный в теоретическом и методическом отношении, провозглашался моделью для современных специалистов. Исчезли идеологические ограничения. Геральдика стала неотъемлемым компонентом объективного, точного исторического знания. Активизировалось герботворчество. Модель советского гербоведения была окончательно вытеснена к 1990 г., полностью сложились условия для вступления научной геральдики в новый этап развития.

*Александр Петрович Моляко-Высоцкий
(1886–1941)*